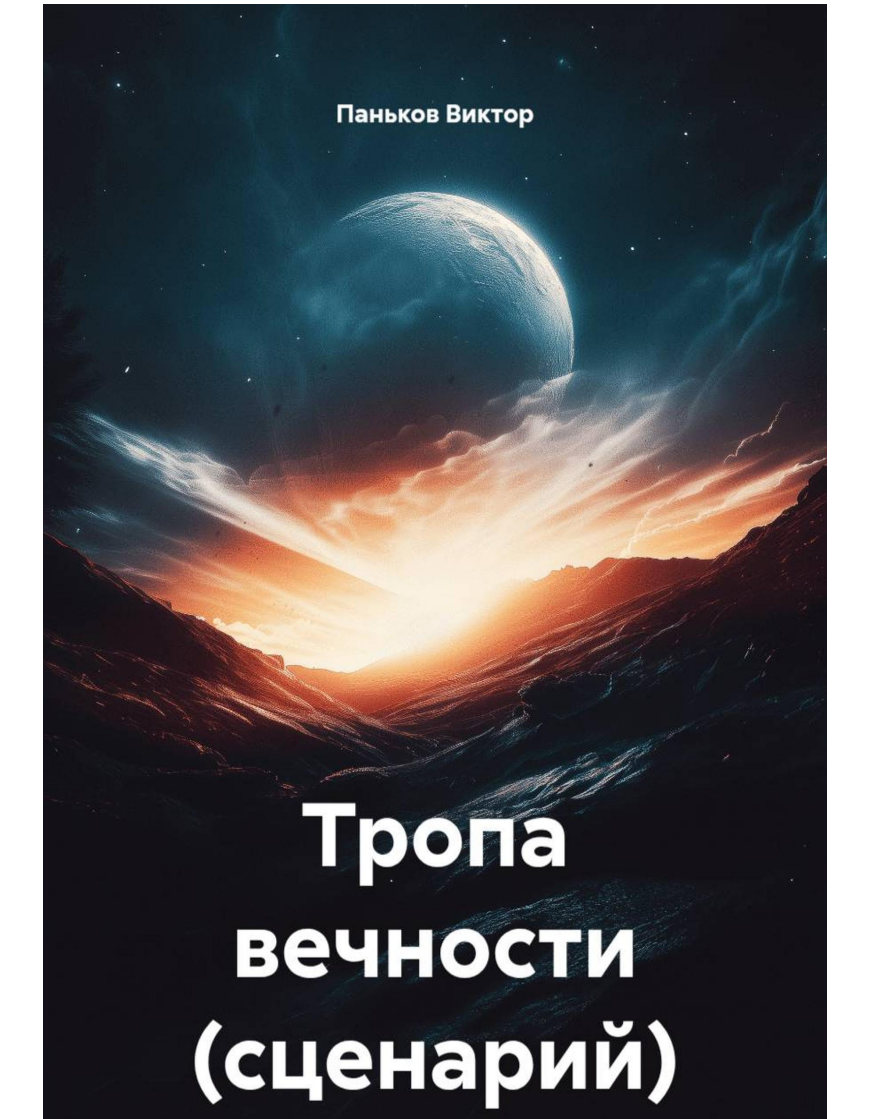

The background of the entire page is a vertical rectangular image. It depicts a fantastical, alien landscape. In the foreground, dark, jagged, and rocky terrain stretches across the bottom. In the middle ground, a range of mountains is silhouetted against a brilliant, glowing sun that is setting or rising directly behind them, creating a strong lens flare and illuminating the scene with a warm orange and yellow light. Above the mountains, the sky is a deep, dark blue, filled with wispy, ethereal clouds. A massive, pale blue planet, resembling a gas giant or a large moon, dominates the upper half of the sky. The overall mood is mysterious and epic, suggesting a journey through space and time.

Паньков Виктор

Тропа вечности (сценарий)

Паньков Виктор
Тропа вечности (сценарий)

<https://litres.ru/74273722>

SelfPub; 2026

Аннотация

Сценарий к фильму о жизни людей в центре экспериментальной медицины в тайге.

Содержание

Глава	5
ПРИМЕЧАНИЯ ДЛЯ РЕДАКТОРА:	6
СЦЕНА 1. ГРУЗОВИК ЗИС-5 НА ЛЕСОВОЗНОЙ ДОРОГЕ. ДЕНЬ.	7
СЦЕНА 2. ВОРОТА. КПП.	9
СЦЕНА 3. ВЕСТИБЮЛЬ ИНСТИТУТА. ДЕНЬ.	11
СЦЕНА 4. ОБЩЕЖИТИЕ — КОМНАТА НА ЧЕТВЕРЫХ. ВЕЧЕР.	13
СЦЕНА 5. ЛАБОРАТОРИЯ. УТРО.	15
СЦЕНА 6. ВНУТРЕННИЙ ДВОР. ТЕРРИТОРИЯ.	16
СЦЕНА 7. ЛАБОРАТОРИЯ. ВЕЧЕР. ПЕРВЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ.	18
СЦЕНА 8. КОРИДОР. НОЧЬ.	20
СЦЕНА 9. КОМНАТА. ТА ЖЕ НОЧЬ.	21
СЦЕНА 10. ЛАБОРАТОРИЯ. УТРО. НЕСЧАСТНЫЙ СЛУЧАЙ.	22
СЦЕНА 11. КОМНАТА ОТДЫХА. ВЕЧЕР.	24
СЦЕНА 12. ТАЙГА У ОЗЕРА. ЛУННАЯ НОЧЬ.	26
СЦЕНА 13. ФИНАЛЬНАЯ СЦЕНА. ЛАБОРАТОРИЯ. РАННЕЕ УТРО.	27
СЕРИЯ 1.01 «ХОРОШО»	29
СЦЕНА 1. ВЕРТОЛЁТ НАД ТАЙГОЙ. ДЕНЬ.	30

СЦЕНА 2. ЛАБОРАТОРИЯ ЦЕНТРА. ДЕНЬ.	32
СЦЕНА 3. ВЕСТИБЮЛЬ ЦЕНТРА. ВЕЧЕР.	36
СЦЕНА 4. ЛАБОРАТОРИЯ. НОЧЬ.	39
СЦЕНА 5. КОРИДОР СТАРОГО КОРПУСА.	43
УТРО.	
ФИНАЛЬНАЯ СЦЕНА. ПАЛАТА СПИЦЫНА.	47
ДЕНЬ.	
ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЙ КАДР:	49
СЕРИЯ 1.02 «ШАТУН»	50
СЦЕНА 1. КОРИДОР ЦЕНТРА. УТРО.	51
СЦЕНА 2. СТОЛОВАЯ. ДЕНЬ.	53
СЦЕНА 3. КОНЮШНЯ. ВЕЧЕР.	55
СЦЕНА 4. КОНЮШНЯ. НОЧЬ.	56
СЦЕНА 5. КОРИДОР. НЕСКОЛЬКО МИНУТ	58
СПУСТЯ.	
СЦЕНА 6. БАНЯ. НОЧЬ.	59
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Паньков Виктор

Тропа вечности (сценарий)

Глава

Чёрно-белое (или стилизованное под плёнку) изображение. Тайга, бесконечная, с высоты. Потом — панорама: озеро, чёрная полынья, и посреди леса — железобетонные корпуса с редкими окнами. Музыка: тревожная, струнные, переходящая в маршевый ритм (возможно, электронная обработка Шостаковича).

Экранная надпись: «1960 год. СССР. Секретный противочумный институт № 12. Тайга, Восточная Сибирь».

ПРИМЕЧАНИЯ ДЛЯ РЕДАКТОРА:

Визуальный контраст: Ч/б или цветокоррекция «холодная сепия» для 1960-х. В конце — краткий переход к современной цветной картинке (найти контейнер и дневник).

СЦЕНА 1. ГРУЗОВИК ЗИС-5 НА ЛЕСОВОЗНОЙ ДОРОГЕ. ДЕНЬ.

В кузове, укрытом брезентом, трясутся **АЛЕКСАНДР СПИЦЫН (25)** и его коллеги — **ВЕРА (24, микробиолог)**, **КОНСТАНТИН (26, вирусолог)**, **ТАМАРА (27, генетик)**. На всех — ватники, кирзовые сапоги. Вокруг — тайга, снег по колено, мороз.

Константин (пытается закурить, но ветер сбивает огонь):

— Не пойму, Александр: мы в экспедицию едем или на каторгу?

Александр (улыбается, достаёт кисет):

— А разница? Говорят, институт закрытый. Чума, сибирская язва... Такое не на курорте изучают.

Вера (кутается в платок):

— Я слышала, там ещё и лошадей держат. На них вакцины испытывают.

Тамара (поднимает голову, умные глаза, скептически):

— Лошади — это хорошо. Лишь бы кормили.

Константин (хохочет):

— Ты, Тома, о главном. А Спицын — о высоком.

Грузовик проваливается в яму, все вскрикивают. Брезент открывается — открывается вид на ОГРОМНЫЙ ЖЕЛЕЗО-БЕТОННЫЙ ПЕРИМЕТР, колючую проволоку, вышку. Ворота с гербом СССР.

Александр (тихо):

— Приехали.

СЦЕНА 2. ВОРОТА. КПП.

Машина тормозит. Из будки выходит **ОХРАННИК (50, суровый, с нашивками ветерана)**. Проверяет документы. Сверяется со списком.

Охранник:

— Спицын, Вера Борисовна... Константин Ильич... Так. Лабораторный корпус А. Жить будете в общежитии, в левом крыле. Правило одно: за периметр — только по пропускам. В тайгу без оружия не ходить. Зимой — тем более.

Вера:

— А медведи?

Охранник (усмехается):

— Медведи, девушка, у нас меньше всего проблем. Проблемы — те, кто до вас здесь работал.

Александр:

— Кто?

Охранник (захлопывает дверцу):

— Пошли. Всё в трудовой книжке написано.

СЦЕНА 3. ВЕСТИБЮЛЬ ИНСТИТУТА. ДЕНЬ.

Внутри — длинный бетонный коридор, пахнет хлоркой, карболкой. Лампы дневного света мигают. Они идут с вещами — чемоданы, ящики с приборами.

Навстречу — **ЗАВЛАБОРАТОРИЕЙ (60, профессор, в белом халате, с нашивками за выслугу лет).**

Профессор:

— Вы — смена погибших? Добро пожаловать. Я профессор Евгений Петрович. Предупреждаю сразу: тут каждый пятый образец может вас убить, если не соблюдать технику безопасности. Но вы — молодые, горячие. Мне такие и нужны.

Александр (прямо смотрит):

— Евгений Петрович, мы знали, куда ехали.

Профессор:

— Знать и понимать — разные вещи. Лаборатория — в подвал. Вам выделили зал 4. Там сейчас только голые стены. Оборудование привезут завтра. А сегодня — обустраивай-

тесъ и слушаите вводную.

СЦЕНА 4. ОБЩЕЖИТИЕ — КОМНАТА НА ЧЕТВЕРЫХ. ВЕЧЕР.

Стены обклеены газетами (для тепла). Кровати железные, матрасы тощие. На столе — керосиновая лампа (свет отключают с 23:00).

Распаковывают вещи. Тамара достаёт книгу стихов Маяковского, кладёт на подушку.

Вера:

— Тамара, ты поэзию на ночь будешь читать?

Тамара:

— А что? «Хорошо» — хорошее стихотворение. Особенно про труд.

Александр (смотрит в окно на метель):

— Как думаете, что именно тут ищут? Чума — это предлог. Мне кажется, здесь что-то другое.

Константин:

— Научная фантастика. Нет у нас в стране секретных институтов с поиском бессмертия.

Александр:

— А я не говорил про бессмертие. Я сказал — что-то другое.

Вера (тихо):

— В коридоре, когда я шла в туалет, видела дверь с табличкой «Геронтология. Сектор 3».

Константин (смеётся):

— Геронтология — это про старение? Вы серьёзно? Мы ищем лекарство от старости?

Тамара (закрывает книгу):

— А вы нет?

Молчание. За стеной слышен вой ветра и металлический скрип — какой-то флюгер или антенна.

СЦЕНА 5. ЛАБОРАТОРИЯ. УТРО.

Зал 4 — пустой, бетонный. С потолка свисают лампы. Завозят ящики: центрифуга (громоздкая, немецкая трофейная), автоклав, стерилизаторы, стеклянные колбы. Александр с Костей распаковывают, Вера и Тамара протирают столы спиртом.

Входит **ПРОФЕССОР** и с ним **ИНЖЕНЕР-МЕХАНИК (40, в промасленной робе, Романыч-старший? нет — другой) — СЕМЁН.**

Профессор:

— Сегодня запускаем систему жидкостного охлаждения. Будьте осторожны. Жидкий азот — не игрушка.

Александр:

— Евгений Петрович, для чего в геронтологической лаборатории азот?

Профессор (пауза):

— Чтобы останавливать время. В пробирках. Пока — только в пробирках.

СЦЕНА 6. ВНУТРЕННИЙ ДВОР. ТЕРРИТОРИЯ.

Молодые учёные стоят на крыльце. Перед ними — чистое поле, огороженное, на котором гуляют ТРИ ЛОШАДИ. Пациентов (людей) пока нет.

Тамара:

— Лошади — это модель?

Константин:

— Модель чего? Старости? Лошади стареют быстрее. За полгода можно проверить лекарство.

Александр (подходит к изгороди, гладит лошадь):

— Если лекарство работает на лошадях, его дадут людям. А если нет?

Вера:

— Если нет — напишут, что эксперимент не удался, и начнут новый. Ты же знаешь, как это работает, Саша.

Александр (тихо):

— Знаю. Мой отец тоже так работал. В другом закрытом институте. Он умер, когда пробирка с аэрозолем разбилась.

Все замолкают.

СЦЕНА 7. ЛАБОРАТОРИЯ.

ВЕЧЕР. ПЕРВЫЙ

ЭКСПЕРИМЕНТ.

В центре лаборатории — старый микроскоп и набор пробирок с сывороткой. Свет тусклый. Константин пишет от руки в журнал.

Александр:

— Первое испытание на культуре клеток. Добавляем фермент, полученный с вытяжкой из мхов ягеля. Тамара, фиксируй.

Тамара:

— Я уже фиксирую. Если ягель работает, это переворот.

Константин:

— Если нет — мы просто выбросим месяц.

Вера подносит пробирку к свету. В ней что-то мерцает.

Александр:

— Смотрите. Теломеры не укорачиваются. Она... остано-

вилась.

Профессор (входит незаметно, смотрит через плечо):

— Не торопитесь. Это может быть артефакт. Переделайте трижды.

Александр:

— Евгений Петрович, но если это не артефакт?

Профессор (жёстко):

— Если не артефакт — мы доживём до того дня, когда люди перестанут бояться старости. А пока — работаем.

СЦЕНА 8. КОРИДОР. НОЧЬ.

Александр идёт в туалет (как и в современном сериале — повторяющийся мотив). Замечает в стене странный шов — кирпичи выложены иначе. Слышит голоса за стеной. Прикладывает ухо.

Голос (женский, испуганный):

— Они не имели права. Живые люди, а не морские свинки.

Голос мужской:

— Тише. Дневник спрячь в нишу. И никому ни слова.

Александр отходит. Нажимает на кирпич — тот подаётся. В нише лежит потрёпанная тетрадь. Он достаёт. На обложке чернилами: «ПРОТОКОЛЫ. НЕ ВСКРЫВАТЬ ДО 1980».

СЦЕНА 9. КОМНАТА. ТА ЖЕ НОЧЬ.

Александр сидит при керосиновой лампе, листает дневник. Внутренний голос (закадровый) читает вслух.

Дневник (голос человека, погибшего ранее):

«Мы думали, что время — враг. А оказалось, что враг — наша гордыня. Лекарство есть. Но оно убивает не тело — убивает желание жить. Пациенты впадают в апатию, перестают чувствовать боль. Мы перестали их видеть. Они стали призраками при жизни...»

Александр закрывает дневник. На последней странице — каллиграфическая запись:

«Мы не первые, кто ищет бессмертие. Но мы — последние, кто на неправильном пути».

Он переворачивает страницу, дорисовывает карандашом: «Но может, следующие будут первыми на правильном». (Этот почерк позже, в современной линии, опознает Лариса как почерк своего деда.)

СЦЕНА 10. ЛАБОРАТОРИЯ. УТРО. НЕСЧАСТНЫЙ СЛУЧАЙ.

Молодые учёные проводят опыт с жидким азотом. Семён (инженер) заправляет криогенный сосуд. Константин помогает.

Профессор (на входе):

— Давление поднялось?

Семён:

— Нет, в норме.

Внезапно — громкий хлопок, треск. Шланг отрывается, азотная жидкость фонтанирует, пар заволакивает помещение. Вера падает — её оглушило. Константин отшатывается, роняет пробирки. Тамара кричит.

Александр (кричит):

— Закрывайте кран! Закрывайте, чёрт возьми!

Семён пытается, но его обмораживает руку — он отскакивает. Александр набрасывает на себя войлочную накидку, бросается к вентилю, сбивает пламя (если загорелось). Мгновение — и он перекрывает подачу. Пар рассеивается.

Профессор:

— Спицын! Вы... вы спасли лабораторию. И людей.

Александр (тяжело дышит, лицо в инее):

— Мой отец... не успел. Я успел.

(пауза, поворачивается к Вере, которая уже приходит в себя)

— Вера, дыши.

СЦЕНА 11. КОМНАТА ОТДЫХА. ВЕЧЕР.

Александр перевязывает руку Семёну. Входят Константин и Тамара.

Константин:

— Александр, мы нашли в стене ещё один дневник. Тот, что ты показывал. Там почерк...

Александр:

— Чей?

Тамара (показывает):

— Мы сравнивали с твоим лабораторным журналом. Он твой.

Александр берёт дневник, листает. На форзаце: «Александр Анатольевич Спицын. 1960 год. Записки будущего?»

Он смеётся нервно.

Александр:

— Я не писал этого. Я вообще... только приехал. Это подлог.

Константин:

— А может, это ты напишешь через год? И спрячешь?

Александр (тихо):

— Или не я. Или не через год.

СЦЕНА 12. ТАЙГА У ОЗЕРА. ЛУННАЯ НОЧЬ.

Александр один стоит на берегу. Озеро замёрзло, но у дальнего края — незамерзающий пятёчек (метафора). Смотрит на него долго.

Внутренний голос Александра (будущий дневник) звучит за кадром — тот самый текст, который в современности прочитает Лариса:

«Мы не первые, кто ищет бессмертие. Но мы первые, кто на правильном пути. Только правильный путь — не в том, чтобы жить вечно. А чтобы успеть сделать то, ради чего стоит жить...»

Он достаёт карандаш и дописывает в дневнике:

«...И если меня когда-нибудь прочитают мои потомки — не ищите лекарство от смерти. Ищите, ради чего жить. Остальное приложится. А. Спицын, 1960. 23 ноября. Мороз -42»

СЦЕНА 13. ФИНАЛЬНАЯ СЦЕНА. ЛАБОРАТОРИЯ. РАННЕЕ УТРО.

Все спят в общежитии, а Александр один в лаборатории. Он ставит пробирку с ферментом (тем самым, из ягеля) и пишет на этикетке: «Образец № 1. База. Не уничтожать. Возможно, пригодится через 60 лет».

Потом прячет эту пробирку в старый свинцовый контейнер, задвигает в нишу (ту самую, где нашли дневник в будущем). Замуровывает кирпичом.

Александр (шёпотом):

— Если я не доживу... пусть доживут другие.

Экран медленно темнеет.

Музыка: электронная обработка «Зимы» Вивальди — высокие тревожные ноты, переходящие в спокойный, почти траурный финал.

Титры:

«Позже, при строительстве геронтологического центра в 2010-х, в этой нише найдут дневник Александра Спицына и контейнер с базовым ферментом. Но это будет совсем другая история».

Конец первой серии.

СЕРИЯ 1.01 «ХОРОШО»

Открывающий титр:

Зимняя тайга, вид с высоты. Бесконечный лес под снегом, бесконечное озеро. Вдалеке — бетонные корпуса. Музыка: электронная обработка «Зимы (allegro non molto)» Вивальди — тревожно, нарастает.

Текст на экране: *«Восточная Сибирь. Наши дни. Геронтологический центр "Тропа". Построен на месте закрытого противочумного института № 12»*

СЦЕНА 1. ВЕРТОЛЁТ НАД ТАЙГОЙ. ДЕНЬ.

В салоне вертолёта Ми-8. **Дмитрий Игнатов (48 лет)** сидит у иллюминатора. На нём потёртый пуховик, старый шарф, на коленях «дипломат» с медикаментами. За спиной — ящики с оборудованием. Рядом дремлет пожилой **Романыч (70)**.

Дмитрий смотрит вниз: под ними — тайга, снег, изредка — маленькие речушки. Он делает пометку в потрёпанной тетради (дневник).

Голос Дмитрия (за кадром, он же внутренний монолог):

«Провинциальный хирург едет за полярный круг... потому что чиновник из министерства увидел "потенциал". Какой потенциал? Не замёрзнуть? Или выжить после того, как я согласился на эту авантюру с переездом, увидел вакансию, откликнулся, съездил на собеседование в Москву, собеседование со спасением пациента с разорванными рёбрами и лёгкими? Я использовал гормональную терапию, китайские травы... и попросил ещё коньяк. Коньяк был вкусный но сказали что безумно дорогой и всем хотелось посмотреть что же я с ним буду делать, да дорогой. Пациент выжил. А я получил билет в тайгу. Говорят, здесь ищут лекарство от

старости. Я ищу туалет и горячую воду. Но дневник — это честно. Начну писать.»

Романыч (не открывая глаз):

— Не спишь, доктор?

Дмитрий:

— Не привык к полётам. И к тому, что лечу в никуда, жил не тужил, никуда не летал, вот что то внутри меня разбудило.

Романыч:

— Здесь не никуда. Здесь — край земли. А край земли — самое честное место. Там не обманешь ни себя, ни других.

Дмитрий (усмехается):

— Тогда я правильно прилетел. Врать надоело, себе чиновникам в отчётах, пациентам.

Вертолёт идёт на снижение. Вдалеке видны корпуса центра.

СЦЕНА 2. ЛАБОРАТОРИЯ ЦЕНТРА. ДЕНЬ.

Просторное помещение с бетонными стенами. Стоят современные приборы: хроматограф, ПЦР-машины, несколько мониторов. **Лариса (45 лет)** — генетик-нейробиолог, в белом халате поверх тёплой водолазки, быстро печатает на клавиатуре. Рядом её сын **Алексей (26 лет)** — биофизик, кандидат наук, в очках и растянутом свитере, соединяет кабели.

Лариса:

— Лёша, ты подключил нейросеть к спектроанализатору?

Алексей (не поднимая головы):

— Мам, я подключил её к анализатору, к системе отопления и к кофеварке. Но она всё равно считает, что вероятность нашего успеха — четыре процента.

Лариса:

— Запускай.

Алексей нажимает клавишу. На главном мониторе загора-

ется экран загрузки, затем появляется голографическая аватарка — пульсирующая сфера. Синтезированный голос, нейтральный, но с лёгкой ноткой самоиронии.

Протон (голос ИИ):

— Инициализация завершена. Вероятность успеха исследований на текущем этапе — четыре процента.

Алексей:

— Спасибо, оптимист.

Протон:

— Переименовываю себя. Протон. Это звучит оптимистичнее. Протон — элементарная частица, стабильная, участвует в ядерных реакциях. А ваше прежнее имя «ИИ-12-Геро» напоминало мне серийный номер холодильника.

Лариса (усмехается):

— Хорошо, Протон. Готовься к приёму данных. Первые пациенты придут через неделю.

Протон:

— Пациенты? Люди? С их непредсказуемыми эмоциями? Вероятность депрессии в первой фазе адаптации — восемьдесят процентов.

Лариса:

— Поэтому мы и здесь. Чтобы снизить этот процент.

Входит **Дмитрий**, всё ещё в пуховике, с «сумкой дипломатом». Останавливается, разглядывая экран с аватаркой Протона.

Дмитрий:

— Это ваш искусственный интеллект?

Алексей:

— Да. Протон. Он выбрал себе имя сам.

Дмитрий (обращаясь к монитору):

— Привет, Протон. Я — Дмитрий. Терапевт и хирург. Если ты мне тут кого-нибудь «оптимизируешь» — я тебя отформатирую.

Протон (пауза):

— Зафиксировано. Юмор. Сарказм. Защитный механизм. Рекомендую довериться коллективу. Вероятность вашей профессиональной успешности — семьдесят два процента.

Дмитрий (Алексею):

— Он всегда такой?

Алексей:

— Он только начал. Дальше — больше.

СЦЕНА 3. ВЕСТИБЮЛЬ ЦЕНТРА. ВЕЧЕР.

Собрались все сотрудники и первые пациенты (несколько пожилых людей — бывший военный, инженер, пара учёных). Все в тёплой форме центра. **Михаил Михайлович (60)** — завхоз, бывший прапорщик, в ушанке и валенках, встаёт в центре. В руках — потрёпанный томик Маяковского.

Михаил Михайлович (громко, с пафосом, но приземлённо):

— Товарищи! По традиции — на новом месте читаем стихи. Не «Евгения Онегина», а то, что ближе к труду. (откашливается)

«Я радуюсь — это мой труд

вливается в труд моей республики.

Хорошо!

Когда же и веселиться,

если не пахать, и не сеять, и не косить?

Хорошо!»

Неловкая пауза. Кто то говорит «ну Бонч Бруевич и авантюрный реализм в работе». Потом несколько пациентов подхватывают, сбивчиво. Кто-то даже всхлипывает — от холода или от воспоминаний. Дмитрий стоит в стороне, не поёт, просто наблюдает.

Михаил Михайлович (заканчивает, прячет книжку):

— Всё. Теперь — ужин. В столовой брусника. Потому что клюкву медведь охраняет, а бруснику — мы.

Лёгкий смех. Люди начинают расходиться. **Романыч** подходит к Дмитрию.

Романыч:

— Ну как тебе, доктор?

Дмитрий:

— Стихи Маяковского про труд в тайге... Это сильно. Но я запомнил другое.

Романыч:

— Что?

Дмитрий:

— Что брусника — наша, и пусть только она вносит в нашу жизнь кислоту бытия, которая будет пытаться растворить нас в хаосе жизни.

СЦЕНА 4. ЛАБОРАТОРИЯ. НОЧЬ.

В лаборатории идёт работа. **Дмитрий** помогает **Ларисе** и **Алексею** настраивать криогенную установку — сосу-ды с жидким азотом, шланги, датчики. В углу сидит **старик** (**Александр Анатольевич Спицын, 78 лет**) — дед Лари-сы, бывший учёный, один из первых сотрудников института. Он тихо наблюдает.

Лариса:

— Давление поднимается. Протон, контролируй.

Протон (из динамиков):

— Давление в норме. Но рекомендую завершить через три минуты. По паспортным данным мы уже вышли на режим.

Алексей:

— Мам, давай быстрее. Этот азот старше меня.

Дмитрий:

— Только не говори, что оборудование ещё с советских времён.

Внезапно — громкий хлопок. Шланг срывается с крепления, струя жидкого азота бьёт в сторону. Температура падает, пар заволакивает помещение. Алексей отшатывается, падает. Лариса кричит. Дмитрий пытается добраться до аварийного вентиля, но пар слепит.

Старик Спицын (неожиданно резво встаёт, хватается войлочный мат, набрасывает на себя и бросается к разъёму):

— Прочь все!

Он закрывает собой разъём, наваливается телом, перекрывая утечку. Руки мгновенно покрываются инеем. Лариса подбегает, оттаскивает его.

Лариса (кричит):

— Дедушка! Дед!

Дмитрий добирается до вентиля, перекрывает подачу. Пар постепенно рассеивается. Спицын стоит, пошатываясь, лицо белое, руки обморожены, но он улыбается.

Спицын (тихо, почти шёпотом):

— Ничего... я уже старый. А лабораторию спасли?

Дмитрий (осматривает его руки):

— Спасли. Но вы — герой. Идиотский герой. Я сейчас обработаю обморожение.

Спицын (смотрит Дмитрию в глаза):

— Когда я был молодым, здесь уже проливали азот. Тогда погиб мой наставник. Я не хотел повторения.

Лариса плачет, обнимает его. Алексей поднимается, бледный.

Алексей:

— Протон, почему не предупредил?

Протон (после паузы):

— Датчики зафиксировали превышение давления за 0,8 секунды до разрыва. Недостаточно времени для реакции. Я не виноват.

Лариса:

— Но ты мог предсказать. По трендам.

Протон:

— Математически — да. Но инженеры прошлого века не заложили резервных контуров. Вывод: старые системы нельзя совмещать с новыми без полной замены. Это не моя ошиб-

ка.

Дмитрий перевязывает руки Спицына.

Дмитрий (тихо):

— Старый мир и новый мир... они всё равно сталкиваются. Главное, чтобы не взрывались.

СЦЕНА 5. КОРИДОР СТАРОГО КОРПУСА. УТРО.

На следующее утро. Лариса, Алексей, Дмитрий и Романыч идут по длинному бетонному коридору. Стены местами облупились. Романыч рассматривает странную нишу.

Романыч:

— Смотрите. Кирпичи свежие, а кладка старая. Здесь что-то прятали.

Дмитрий:

— Разбирай.

Романыч осторожно вынимает несколько кирпичей. В углублении лежит старая тетрадь в клеёнчатой обложке и свинцовый контейнер. Он достаёт.

Алексей:

— Дневник?

Лариса (берёт тетрадь, листает, узнаёт почерк):

— Это дедушкин почерк. Александр Анатольевич Спи-

цын. Но он писал это... шестьдесят лет назад.

Дмитрий:

— Когда он был молодым учёным здесь.

Лариса открывает последнюю страницу. Там крупными буквами:

«Мы не первые, кто ищет бессмертие. Но мы — первые, кто на правильном пути.»

Она передаёт дневник Алексею. Тот подносит к камере ноутбука (где работает Протон).

Протон (сканирует текст):

— Анализ завершён. Утверждение имеет высокую степень достоверности. Совпадает с историческими протоколами института. Почерк идентифицирован: Александр Анатольевич Спицын, 1960 год.

Лариса (сдавленно):

— Дедушка знал. Он знал, что это правильно. И он всё равно рисковал жизнью.

Дмитрий (берёт свинцовый контейнер, открывает — там пробирка с засохшим осадком):

— Что это?

Протон:

— Предположительно — базовый фермент. Те самые исследования, которые не успели завершить в шестидесятых.

Алексей:

— Значит, мы не с нуля начали.

Дмитрий:

— Значит, мы просто продолжаем.

Лариса подходит к окну, смотрит на тайгу и замёрзшее озеро.

Лариса:

— Они искали бессмертие. Мы ищем качество жизни. Может быть, это одно и то же. А может, нет.

Дмитрий (рядом с ней):

— Качество жизни начинается с того, чтобы не врать себе. Дневник не врёт. Мы не первые. Но, чёрт возьми, мы стараемся быть последними — теми, кто нашёл ответ.

ФИНАЛЬНАЯ СЦЕНА.

ПАЛАТА СПИЦЫНА. ДЕНЬ.

Александр Анатольевич лежит в постели с перевязанными руками. Лариса сидит рядом, читает ему его же дневник вслух.

Лариса:

«Мы не первые, кто ищет бессмертие...»

Спицын (улыбается, закрывает глаза):

— Я тогда был молодой и дурак. Думал, что бессмертие — это математика. А это... просто любовь. К делу. К людям. К этой проклятой тайге.

Лариса:

— Ты спас лабораторию. Спасибо, дед.

Спицын:

— Не за что. Теперь ваша очередь.

Он поворачивается к окну. За окном — метель. Музыка: Вивальди, «Зима», но в более спокойной, созерцательной аранжировке.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЙ КАДР:

Экран медленно затемняется. Текст:

«В свинцовом контейнере, найденном в стене, находились образцы ферментов, которые позже помогут пробудить Ирину. Но это будет через два года.»

Титры. Музыка переходит в основную тему сериала.

Конец первой серии.

СЕРИЯ 1.02 «ШАТУН»

Открывающий титр:

Зимний закат над озером. На льду — следы лошадиных копыт. Музыка: электронная обработка «Зимы» Вивальди, более ритмичная, с элементами этно-ударных. Заставка сериала.

СЦЕНА 1. КОРИДОР ЦЕНТРА. УТРО.

Дмитрий идёт по коридору, в руке — дневник (тот, что нашли в стене, или его собственный — уточним: его личный дневник, куда он переписывает мысли). На нём уже форма центра — тёмно-серый комбинезон, на ногах мягкие ботинки. Он выглядит уютнее, чем в пилоте.

Голос Дмитрия (за кадром, дневник):

«Вторая неделя в "Тропе". Мы получили первых пациентов. Семь человек. Самому молодому — семьдесят два, самому старому — девяносто один. У всех — тремор, депрессия, куча болячек. И надежда. Это страшнее любой болезни — надежда. Особенно когда ты не знаешь, сможешь ли её оправдать.»

Он заходит в ординаторскую. Там **Лариса** разбирает бумаги, **Алексей** смотрит в экран ноутбука, где пульсирует аватарка Протона.

Дмитрий:

— Кто такой Аюр? В списке пациентов — шаман. Это серьёзно?

Лариса (не поднимая головы):

— Аюр — бывший охотник. Жил в отшельниках, потом ушёл. Лечится травами. Говорит, что его бубен лечит лучше антибиотиков.

Алексей:

— Протон проверил его травяные сборы. Там есть компоненты, которые реально замедляют окислительные процессы. Но бубен... Протон сказал, что это плацебо.

Протон (из динамика):

— Поправка: я сказал, что эффективность бубна не поддается измерению. Это разные вещи.

Дмитрий:

— То есть шаман с бубном — это ваша научная надежда?

Лариса:

— Наша надежда — комплексный подход. Аюр — часть комплекса. Примите его как данность.

Дмитрий вздыхает, делает пометку в дневнике.

СЦЕНА 2. СТОЛОВАЯ. ДЕНЬ.

Обед. Пациенты сидят за длинными столами. Среди них — **АЮР (около 65, крепкий, с длинными седыми волосами, одет в домотканую рубаху)**. Ест молча. Рядом **Романыч** и ещё двое пожилых мужчин — **Борис Иванович (бывший военный, 78)** и **Семён Маркович (инженер, 82)**.

Борис Иванович (громко):

— Я в сорок пятом в медведя из карабина стрелял. А теперь руки трясутся. Выдали бы нам, мужики, по настоящему стволу — никакой медведь не страшен.

Романыч:

— У нас тут научный центр, а не тир. Будешь стрелять — в газовую камеру отправлю.

Аюр (не поднимая глаз):

— Медведь не придёт. Он боится человека больше, чем человек его.

Борис Иванович:

— Это ты в своём лесу боишься. А тут — шатуны бывают.

Аюр (пауза):

— Шатун ищет не еду. Шатун ищет смерть. Это другое.

Дмитрий, сидящий в углу с кружкой чая, записывает что-то в дневник.

СЦЕНА 3. КОНЮШНЯ. ВЕЧЕР.

Романыч и Дмитрий проверяют лошадей. Одна из кобыл беспокоится, бьёт копытом.

Дмитрий:

— Что с ней?

Романыч (вглядываясь в темноту за забором):

— Чует кого-то. Зверьё всегда чует раньше.

За конюшней — тайга, чёрная стена леса. Слышен далёкий треск — ломается сухое дерево. Романыч бледнеет.

Романыч:

— Доктор, идите в здание. Я запру дверь.

Дмитрий:

— Медведь?

Романыч:

— Или хуже.

СЦЕНА 4. КОНЮШНЯ. НОЧЬ.

Тёмное время суток. Луна скрыта тучами. Внезапно — РЁВ. Глухой, басовитый, идущий от земли. Затем треск — ломается дверь конюшни. Лошади ржут, бьются в стойлах.

В жилом корпусе — переполох. Пациенты выбегают в коридор. **Борис Иванович** с охотничьим ружьём, руки трясутся — ствол ходит ходуном. **Семён Маркович** с кочергой.

Дмитрий хватает бежит из ординаторской за ружьём. **Романыч** кричит:

Романыч:

— Уберите ружьё! Трясучкой кого-нибудь убьёте!

Дверь конюшни с грохотом отлетает. Во дворе — огромная тень. Медведь, шатун, худой, с вздыбленной шерстью.

Аюр появляется в дверях босой. На нём только штаны и рубаха, расстёгнутая на груди. В руках — бубен (кожаный, с подвесками). Он выходит на снег. Стужа -30.

Борис Иванович:

— С ума сошёл! Застрелить его надо!

Аюр (не оборачиваясь):

— Не надо. Он пришёл не к вам.

Аюр идёт на медведя. Шаг. Второй. Бубен начинает гудеть — низкий, вибрирующий звук. Медведь поднимается на задние лапы, но не бросается. Он замирает, поводит мордой. Аюр бьёт в бубен, ритм нарастает. Он что-то поёт на неизвестном языке — горловое, с переливами.

Медведь пятится. Опускается на четыре лапы. Медленно, пяясь, уходит в темноту леса. Исчезает. Тишина. Только стук бубна затихает.

СЦЕНА 5. КОРИДОР. НЕСКОЛЬКО МИНУТ СПУСТЯ.

Аюр заходит внутрь. На нём иней на бровях, но он не дрожит. Все смотрят на него с ужасом и восхищением.

Дмитрий (опускает ружьё, который всё ещё сжимал):

— Как ты это сделал?

Аюр:

— Я ничего не делал. Он ушёл сам.

Аюр идёт по коридору. Пациенты расступаются. Дмитрий смотрит ему вслед, потом — на свои ботинки, на ружьё — и тихо смеётся.

Дмитрий (про себя):

— Не заряженное ружьё против медведя. Отличный план.

СЦЕНА 6. БАНЯ. НОЧЬ.

Жарко. Пар клубится. На деревянных полках сидят **Аюр**

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.